

Светлана Саенко

**МОТИВАЦИЯ ДВОЙНИЧЕСТВА
В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»**

В литературных текстах о двойнике одной из главных проблем становится причина его появления. Загадка возникновения двойника играет ведущую роль в сюжетной реализации и является частью авторского замысла в воплощении излюбленной темы русских классиков. Анализируя роман В. Набокова «Отчаяние», исследователи чаще всего сосредоточивались на его криминальной линии, стремясь объяснить мотивы убийства двойника писательскими амбициями героя-автора и его меркантильными целями. Однако ни корыстное убийство, ни графомания не имеют отношения к причине появления двойника. Сам же феномен двойника чаще всего трактуется исследователями как обман видения, который спровоцировал и обусловил все действия и поступки Германа (А. Долинин). Но в то же время перед нами роман, который может быть прочитан как история безумия героя (А. Люксембург).

Цель данной статьи заключается в том, чтобы установить и описать усложненную мотивацию явления двойника, которая будет пониматься нами как преодоление раздвоенности путем уничтожения другого, процессуально представленное в романном целом. Эта интерпретация позволит по-новому взглянуть на ситуацию двойничества и уникальность его творческого решения в произведении В. Набокова.

Сюжетным центром, вокруг которого развиваются главные события в романе «Отчаяние», является столкновение героя с его двойником. Завязка определяет динамику сюжета, подчиняющегося одной фундаментальной теме – двойничества. Она представлена в структуре текста множеством вариаций, которые восходят к своей начальной форме, пронизывающей все уровни произведения. Разветвляясь в тексте, двойничество трансформируется на двух сюжетных уровнях. Тематический вариант, присутствующий внутри каждого из уровней, выполняет определенную функцию в соответствии с заданной ему семантикой. На первом повествовательном уровне оговаривается причина появления двойника, стремление героя обосновать его возникновение. Затем перед нами разворачивается история гениального убийства от замысла до акта осуществления. Второй уровень раскрывает события, связанные с обывательской жизнью героя, которая утратила для него смысл еще до встречи с двойником.

Главный герой романа, Герман Карлович, встречает на окраине города Праги бродягу (Феликса), который, как ему кажется, удивительно на него похож. Возникновение двойника герой объясняет неожиданной случайностью и, более того, «игрой чудесных сил» [3, с. 340]. На первый

взгляд, абсолютно ясно и даже как будто закономерно, что именно случай соединяет героев в одном из пространственных топосов романа, но отсутствие инфернальных сил и их персонификаций исключает участие чудесного в этой непредсказуемой встрече. Тожество, установленное Германом, является чисто субъективным, поскольку только Герман видит в Феликсе своего двойника. К тому же свою написанную повесть Герман решает отдать «густо психологическому беллетристу» [3, с. 428], обостряя психологическую проблему, содержащуюся в его труде. Как видно, появление двойника в «Отчаянии» лишено однозначности.

В первой главе романа Герман рассказывает о своем неожиданном столкновении с двойником. Весь событийный ряд, представленный перед нами, раскрывается через обнаженную рефлексию героя.

После встречи с двойником, во второй главе, мы узнаем, что Герман уже давно находится в разладе с собой: «Никак не удастся мне вернуться в свою оболочку и по-старому расположиться в самом себе,— такой там беспорядок: мебель переставлена, лампочка перегорела, прошлое мое разорвано на клочки» [3, с. 343]. Из его слов можно заключить, что в нем произошли изменения, разрушившие целостность и стабильность его внутреннего «Я». Итог этого душевного разлада определяется внутренней опустошенностью Германа: «впадая в полудремоту,— и вдруг содрогаясь... и снова росло ощущение внутреннего зуда, нестерпимой щекотки,— и такое безволие, такая пустота» [3, с. 334].

Как известно, творчество В. В. Набокова принадлежит двум разным культурным традициям. Произведения, написанные на русском языке, были переведены В. В. Набоковым на английский язык. В английском варианте «Despair» присутствуют пассажи, отсутствующие в русском варианте романа и представляющие принципиальную значимость для решения проблемы двойничества. Один из них иллюстрирует возникновение необычного отклонения, диссоциации, у Германа во время телесного соития с его супругой Лидой. Фрагмент этого перевода сделан А. Люксембург в статье «Кошмары Германа Карловича: неизвестный русскому читателю эпизод романа Владимира Набокова «Отчаяние» [2].

Герман признается, что незадолго до поездки в Прагу он испытал необыкновенное ощущение двойственности. Оно настигало его «эпизодически», во время физической близости с его женой. В моменты его появления Герман разделялся на две ипостаси. Первый Герман, вовлеченный в этот процесс, исполнял роль изощренного любовника, второй, находясь недалеко от спальни, наблюдал за своей виртуозной игрой. Все эти новые способности, порожденные двойственностью его положения, не вызывали в нем ни волнения, ни настороженности, а наоборот, увлекали и забавляли. Особенностью этого чувства, доводившего его до пика экстатического состояния, явилось расстояние

между пространственными точками, разделявшими две его половины. К тому же Герман отмечает, что дистанция должна непременно достигать своего максимума, потому что «чем больше длился интервал, разделявший воссоединение обеих моих ипостасей, тем больший экстаз» [2, с. 764] он испытывал. Однако ему никогда не удавалось отделиться от другого своего «Я» окончательно, через определенный промежуток времени он воссоединялся снова. С того самого времени, когда это ощущение начало преследовать Германа, его состояние изменилось. Нарастая, оно приводило к еще большему разъединению, которое с каждым последующим разом увеличивало расстояние между его частями. Но однажды, когда Герман уже подготовился к тому, чтобы в очередной раз наблюдать за своим «Я», превосходно выполняющим свою роль, с того места, где и находилась театральная сцена, «донесся зевок Лиды и ее голос глупо заявил, что если я не собираюсь ложиться, то не мог бы я хотя бы принести книжку, которую она забыла в гостиной» [2, с. 765]. Как видно, двойственность исчезла, и Герман снова вернулся к своему прежнему состоянию. Однако это еще больше нарушило душевное равновесие.

Важно отметить то, что фазовое расщепление повлияло на внутреннее состояние Германа, предопределив его безумие. Стремление к двойственности начинает постепенно одолевать героя. Теперь становится понятно, что возникновение ложного двойника и та множественность, которой он представлен в романе, происходит через объективацию идеи двойничества, заложенной в глубинах подсознания. Психологическое состояние Германа следует определить как полностью завершившийся процесс поэтапного расщепления сознания, доведенного до крайней точки безумия и готового для обратного восстановления через другого. Пределом этого разрушения оказывается внутренняя пустота героя. Образ пустоты встречается в романе неоднократно. На наш взгляд, он играет основополагающую роль при установлении причинно – следственной связи.

Одним из наиболее ярких способов его изображения является сравнение: «Я был совершенно пуст, как прозрачный сосуд, ожидающий неизвестного, но неизбежного содержания» [3, с. 336]. Герман соотносит себя с пустым сосудом, а свое безудержное стремление обрести другого с содержимым. Пустота понимается в романе как вакуум субъективного пространства героя. Определение содержания как «неизбежного» и «неизвестного» подчеркивает полную готовность принять то, что должно прийти извне. Возникновение двойника из пустоты по семантическому ряду сближается с понятием из ничего, как это и показано в романе, поэтому появление двойника, с точки зрения Германа, обосновано случайным и чудесным. Разворачиваясь в тексте, сравнение обрастает

новыми смыслами. Наполнение содержимым понимается как «чудо», характеризующееся «беспричинностью» и «бесцельностью». Долгое изучение увиденного «чуда», а также мысленное порождение бесконечных аналогий внешнего сходства привело Германа к необычному ощущению и пониманию, что перед ним находится его двойник: «Я видел в нем своего двойника, то есть существо, физически равное мне, – именно это полное равенство так мучительно меня волновало» [3, с. 340]. Обнаруженный двойник явился неким обретением, заполняющим всю его внутреннюю пустоту. Неожиданность увиденного превратилось в тайну собственного бытия, невероятная встреча, о которой умалчивал Герман, рассматривалась им как возможность нарушения или изменения отношений между ним и Феликсом: «дикарь не произносит слов, обозначающих вещи таинственные, сомнительно к нему настроенные» [3, с. 350]. Прошлое и все существующее ранее уже потеряло для Германа смысл, значимым становится только встреча с двойником, которая и определила его дальнейшую цель – снова обрести себя, вернуть себя через другого.

Таким образом, пустота обозначает активное пространство для восприятия чего-то извне как первичное состояние. Такая мотивация исходит от самого Германа, пытающегося разобраться в том, что послужило причиной появления двойника. Эта позиция совершенно оправдана. Герман, возмнивший себя художником и претендующий на общепризнанность и гениальность, стремится доказать, что ему как творческому человеку помогло вдохновение. К тому же известно, что установленное сходство, как и двойник, оказываются ложными, поэтому ему необходимо такое оправдание, какое смогло бы доказать его невиновность. О событиях в романе, мы узнаем из уст героя-рассказчика, который является лжецом, стремящимся скрыть всю правду и запутать читателя. Повествовательная структура, представленная в «Отчаянии», из-за такого способа подачи событий становится головоломной и образует двойственность. Объяснение появления двойника из ничего или из пустоты как первичного состояния, из которого он возникает, при учете проанализированного ранее американской версии романа приобретает другое значение – конечного результата внутреннего разрушения, достигшего предела и представленного как становление, – переход из хаоса в космос. Объективация двойника задает динамику обратному процессу. Проистекающие в нем связи и отношения обеспечивают это движение, а вовлеченные герои становятся его невольными участниками. Как уже справедливо отмечалось Б. Бойдом, «Отчаяние» «можно рассматривать как фантазию о преодолении собственной смерти и границ собственного “я”» [1, с. 454]. Развивая мысль Б. Бойда, следует отметить, что сам факт смерти другого понимается не только как продление собственной жизни и субстанциальное разрушение границ, но и как возможность

пересоздания собственного «Я», ориентированного на восстановление его целостности.

Состояние пустоты определило внутренний поиск Германа. Его субъективная замкнутость открылась для проникновения внешнего мира с целью устранить дисгармонию в самом себе. Другой воспринимается как часть распавшегося «Я», он выступает как созидательное начало по отношению к главному герою и как единственно существующая потенция, направленная на пересоздание этого «Я».

Все действия героя направлены на поиски целостности. Однако столкновение с другим оказывается губительным для него. Страх Германа состоит в том, что в увиденном им другом может оказаться не его собственное отражение, а чужое, не имеющее с ним ничего общего. Этим, собственно, и оборачивается доказываемое иллюзорное внешнее тождество. Если бы сходство действительно существовало, то не требовалось бы усилий со стороны Германа изменять свою внешность при помощи коррекции внешних данных: «По ночам, в полудремоте, я хватался за лицо, и моя ладонь его не узнавала. Ходил, значит, по комнатам, курил, и из всех зеркал на меня смотрела испуганно серьезными глазами наспех загримированная личность» [3, с. 370]. Конструирование самости оказывается невозможным, поскольку зеркальное сходство в итоге не обнаруживается. Развенчание не существующего внешнего соответствия обрывает процесс трансформации, направленной на пересоздание «Я» героя. Утверждение двойничества как реального, переведенного из области воображаемого и придуманного в настоящее и подлинное бытие, завершается естественной неудачей.

Преступные действия Германа могут иметь и другую скрытую причину: стремление избавиться от своего соперника Ардалиона. Интересен тот факт, что Ардалион является соперником Германа как в любви, так и в искусстве. Хотя в романе нет явного указания на любовную связь Лиды и Ардалиона, она проскальзывает сквозь прозрачную ткань текстуры произведения, при развертывании конкретных ситуаций, противоречащих рассказам Германа. При неотрывном, пристальном внимании читающего некоторые эпизоды текста изменяются, словно хамелеон, и сквозь них высвечиваются истинные взаимоотношения героев.

Ардалион, Герман, Лида образуют классический треугольник любовных отношений – два героя борются за обладание одной женщиной. Таким образом, соперничество становится причиной их вражды и разлада между собой. Стремление Ардалиона отнять Лиду побуждает Германа искать путь для своего самоутверждения в преступлении. Ардалион вступает в противоборство с Германом, создающим хаос, но и в то же время оказывается источником уязвленного самолюбия Германа. Здесь следует согласиться с замечанием Б. Бойда о том, что не Феликса, а «именно

Ардалиона хотел бы уничтожить Герман, именно его он хотел бы заманить в лес и застрелить, если бы стереть его с лица земли было бы столь же просто, как бездомного бродягу» [1, с. 453].

Порожденный игрой больного воображения, двойник был выдуман и создан Германом по классическим образцам литературы. До встречи с двойником Герман вскользь упоминает о том, что «прочел тысяча восемнадцать книг» [3, с. 334], но об их содержании умалчивает. Не исключено, что тематикой всего прочитанного являлось именно двойничество, которое стимулировало появление двойника. Такого рода безумие уже известно в литературе, примером этому может послужить Дон-Кихот. Ссылок на произведения мировой литературы более чем достаточно: это Достоевский, Пушкин, Гоголь. Нам представляется необходимым указать на присутствие еще одной скрытой аллюзии, но уже на рыцарский роман Сервантеса.

Подводя итоги, представляется возможным сделать следующие выводы.

Двойничество неоднозначно у Набокова и носит обратный характер. Традиционный сюжет, где двойник преследует героя, получает нетрадиционное развитие: в романе В. Набокова герой преследует своего двойника, что изменяет саму идею двойничества. Сходство изначально отвергается автором, но его существование допускается исключительно как иллюзорное. Двойники в творчестве Набокова – это антонимия, а не синонимия.

Физический двойник оказывается проекцией, он лишен каких бы то ни было материальных признаков сходства. Внешнее тождество способно быть на устах, оговариваться, доказываться, но отсутствовать как таковое. У Набокова нет телесных персонифицированных двойников. Двойник всегда один в двух лицах: дублер, играющий в кино, актер, играющий близнецов, маска, порождающая многоликий образ.

1. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография.– М.: Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2001.– 695 с.
2. Люксембург А. Кошмары Германа Карловича: неизвестный русскому читателю эпизод романа Владимира Набокова «Отчаяние» // В. В.Набоков: pro et contra.– Т. 2.– СПб.: РХГИ, 2001.– С. 761–765.
3. Набоков В.В. Собрание сочинений: В 4 т.– М.: Правда, 1990.– Т. 3.– 480 с.